

НАША СТРАНА

Год издания 74-й. Буэнос Айрес, 18 сентября 2021 «NUESTRO PAIS» Buenos Aires, 18 de setiembre de 2021 No 3158

ДОСТОЕВСКИЙ И ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ-ПРОРОКА

Темой «Достоевский и Царь Александр III» в России занимались мало — возможно, потому, что гениальный писатель совсем немного не дождал до восшествия Великого Князя Александра Александровича на русский престол, а стало быть, с ним как с императором общаться Фёдору Михайловичу не довелось. И тем не менее духовная связь и близкое знакомство этих выдающихся личностей сыграли в нашей истории важную роль.

Всеобщее признание пришло к Достоевскому в 1870-е. Сам он в письме к Константину Победоносцеву 24 августа 1879 года назвал свое положение «почти феноменальным» и тут же задался риторическим вопросом: «Как человек, пишущий против европейских начал, компрометировавший себя навеки «Бесами», то есть ретроградством и обскурантизмом, — как этот человек, помимо всех европействующих, их журналов, газет и критиков, — всё-таки признан молодежью нашей, вот эту самую расшатанной молодежью, ни гилатиной и проч.? Они объявили уже, что от меня одного ждут искреннего и симпатичного слова и что меня одного считают своим руководящим писателем».

Высоко ценили его талант и власти предрешающие. Сыновья императора Сергей и Павел зачитывались произведениями будущего классика и желали личного знакомства с ним. Царю Александру II особенно импонировали его преданность самодержавию, высказанные идеи о необходимости воспитания молодежи в православном духе. В начале 1878-го по просьбе Государя Достоевского посетил воспитатель царских детей Дмитрий Арсеньев. От имени монарха он просил, «чтобы Фёдор Михайлович своими беседами повлиял благотворно на юных великих князей».

До 1870 года цесаревич придерживался довольно либеральных взглядов, подле него тогда образовался кружок, в который входили Николай Лейхтенбергский, Иларион Воронцов-Дашков, Сергей Шереметев, Владимир Мещерский и другие. Вместе они размышляли и спорили о судьбах России, признавали необходимость реформ — кардинальных и в то же время созвучных знаменитой уваровской триаде: «православие — самодержавие — народность», ратовали за «подъем народного самосознания», искали в прошлом страны идеалы для ее обустройства.

Как полагал Иван Тургенев, будущего русского Государя «на путь либерализма вела его природная склонность»: «Он, казалось, был связан сердечными узами с французскими республиканцами. Сюда входило, главным образом, нескрываемое отвращение к императору Наполеону, двойственность которого, привычка к хитростям и интригам оскорбляли все его чест-

ные инстинкты. Но когда наступила коммуна, на него нашёл яростный гнев против всех делателей кровавых революций, и он не раз повторял с некоторой досадой — по поводу своих минувших убеждений: «Так вот до чего всё это доводит».

Арсеньев отмечал, что Император Александр III в душе «был скорее так называемого либерального направления», хотел продолжить начатые отцом преобразования, но помешала смута.

Во второй половине XIX столетия философы, литераторы, общественные и политические деятели все чаще говорили о национальной самобытности. Достоевский, по мнению многих историков, первым из наших мыслителей ввёл в литературу термин «русская идея». Она должна была опираться на этнографические, исторические и религиозно-культурные основы.

«Преступление и наказание» Александр Александрович прочёл в конце 1860-го с огромным интересом, после чего познакомил с романом супругу Марию Федоровну.

Весной 1868-го Достоевский, горячо приветствуя деятельность цесаревича в качестве председателя Комитета по сбору пожертвований в пользу голодающих Самарской губернии, писал Аполлону Майкову из Женевы: «Как я рад, что наследник в таком добром и величественном виде появился перед Россией и что Россия так свидетельствует о своих надеждах на него и о своей любви к нему».

В конце 1871-го — начале 1872-го Фёдор Михайлович по совету князя Мещерского (с ним писатель познакомился осенью 1871-го, а затем начал посещать его «среды») отправил свое первое письмо наследнику. Испытывавшему материальные затруднения литератору цесаревич оказал денежную поддержку, после чего Достоевский обратился к нему с благодарственным посланием: «Осмеливаюсь еще

раз писать к Вашему высочеству, а вместе с тем почти боюсь выразить мои чувства: одолжающему, с сердцем великодушным почти всегда несколько тяжела слишком прямо высказываемая благодарность им одолженного, хотя бы и самая искренняя. Чувства мои смутны: мне и стыдно за большую смелость мою, и в то же время я исполнен теперь восхищения от драгоценного внимания Вашего Высочества, оказанного просьбе моей. Оно дороже мне всего, дороже самой помощи, мне оказанной Вами и спасшей меня от большого бедствия... С чувством беспредельной преданности осмеливаюсь пребыть Вашего Императорского Высочества покорнейшим слугою. Фёдор Достоевский».

В начале 1873-го отдельным изданием вышли «Бесы», и автор через Победоносцева передал напечатанный роман цесаревичу.

В феврале того же года Фёдор Михайлович вновь обратился к нему письменно. В послании были такие строки: «Мне льстит и меня возвышает духом надежда, что Вы, Государь, наследник одного из высочайших и тягчайших жребиев в мире, будущий вожатый и властелин земли русской, может быть, обратив Ваше малое внимание на мою попытку, слабую, я знаю это, но добросовестную, изобразить в художественном образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамобытной, но до сих пор еще остающейся во главе русской жизни».

Зная о том, что наследнику близки идеи русской самобытности, Достоевский в письме объяснил ему причины, побудившие сочинить «Братьев Карамазовых»:

«Это — почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как Нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти

явления не случайность, не единичны, а потому и в романе моём нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восстании от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного высокомерия о собственном мировом значении никогда мы не сможем быть великой нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так «высокомерны» в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесла в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными».

Заканчивалось письмо так: «Простите мне, Всемилостивейший Государь, смелость мою, не осудите беспредельно любящего Вас и дозволейте выслать Вам и впредь ежемесячно каждый дальнейший выпуск «Дневника писателя».

Вышеупомянутые публикации Константин Победоносцев передал адресату в ноябре 1876-го с сопроводительным письмом, в котором говорилось: «Ф. М. Достоевский просит меня представить Вам... вышедшие до сих пор номера издания «Дневника писателя»; исполняя это с охотой и притом позволяю себе обратить внимание Ваше на это издание Достоевского. В нём немало статей, написанных с талантом и с чувством».

Обращаясь к цесаревичу лично, Федор Михайлович подчёркивал: «Нынешние великие силы... подняли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святые «русской идеи» ярче, чем когда бы то ни было до сих пор... Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на всё, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В «Дневнике» моём есть несколько слов, горячо и искренне вырвавшихся из души моей, я помню это».

ПАМЯТИ Г. М. СОЛДАТОВА

Ещё один борец за истину церковную ушёл в лучший мир... Вечная память рабу Божию Георгию, дорогому Георгию Михайловичу. Вся его сознательная жизнь была борьбой за правду, за всякие правды, но для нас особенно ценно вспоминать с какой решимостью он встал на защиту Зарубежной Церкви, когда некоторые иерархи, вкупе со столь же нечестивыми священниками, стали нечистыми руками расшатывать её устои, чего добились после нескольких лет влиятельных и живых заверений, что никогда, мол, никто и не мыслит посягать на целостность нашей Церкви и подчиняться Московской Патриархии. Знаем во что вылились все эти заверения.

Георгий Михайлович поднял меч, создал Общество Бл. Митрополита Антония в надежде удержать это нечестивое скольжение упоминанием учения наших великих Отцов, но ничто не смогло удержать злые силы. Георгию Михайловичу принадлежит тоже редактирование общественного электронного журнала «Верность», в котором защищались вообще Белье идеи, на которых выросла Белая Эмиграция и наша Белая Церковь. И в остатке этой чистой Церкви до конца своей долгой и плодотворной жизни остался верен велениям совести Георгий Михайлович. Вечная и благодарная ему память!

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

Почитательницей его таланта была и супруга наследника Мария Федоровна. Писателю довелось с ней встретиться трижды. В мае 1880-го (вторая встреча) в Мраморном дворце Великого Князя Константина Константиновича состоялся творческий вечер. «Ф[ёдор] М[ихайлович] читал из «Карамазовых», — писал на следующий день хозяин дворца в своем дневнике. — Цесаревна всем разливала чай, слушала крайне внимательно и осталась в восхищении. Я упрямил Ф[ёдора] М[ихайловича] прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (помоему). Потом он прочёл «Мальчик у Христа на елке». Елена (Шереметева, внучка Императора Николая I.) плакала, крупные слезы катились по её щекам. У цесаревны глаза тоже подернулись влагой».

На следующий день Константин Константинович оставил в дневнике еще одну запись: «Был у цесаревны — благодарит за вчерашний вечер».

О впечатлении, которое произвела на Достоевского Мария Фёдоровна, он сообщил жене в конце мая 1880 года: «Я рассказал Каткову о знакомстве моём с высокой особой у графини Менгден и потом у К[онстантина] К[онстантиновича]. Был приятно поражён, совсем лицо изменилось». Впоследствии в своих воспоминаниях супруга писателя отмечала: «Теперь

пришёл его черёд восхищаться цесаревной. Будущая русская императрица была изумительной личностью, простой и доброй, с присущим ей даром нравиться людям».

О встрече с Достоевским Мария Федоровна подробно рассказывала мужу, который уже давно намеревался очно познакомиться с Фёдором Михайловичем. Их встреча в присутствии цесаревны состоялась в декабре 1880 года в Аничковом дворце.

Дочь классика Любовь Фёдоровна на сей счет вспоминала: «Будущий Александр III очень интересовался всеми русофилами и славянофилами, ожидавшими от него крупных реформ. Достоевский также хотел с ним познакомиться, чтобы поделиться своими идеями по русскому и славянскому вопросам, и отправился в Аничков дворец, который был обычно резиденцией наших наследных Великих Князей. Их Высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу. Очень характерно, что Достоевский, пылкий монархист в тот период жизни, не хотел подчиняться этикету двора и вёл себя во дворце, как привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал

всегда, повернувшись спиной... Наверное, это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались как с простым смертным. Он не обиделся на это и впоследствии говорил о моём отце с уважением и симпатией. Этот Император видел в своей жизни так много холопских спин! Возможно, ему не доставило неудовольствия то, что в своем обширном государстве он нашёл менее податливый, чем у других, хребет».

О том, что цесаревич и цесаревна являлись его почитателями, Фёдору Михайловичу было известно ещё в начале 1870-х (в одном из тогдашних писем жене он прямо указывал на это). Император Александр III действительно очень хорошо знал и любил его произведения.

После похорон писателя Победоносцев обратился к Александру Александровичу с такими словами: «Вы знали и ценили покойного Достоевского по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта. Смерть его — большая потеря и для России. В среде литераторов он — едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к Отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотворно. Многие несчастные моло-

дые люди обращались к нему как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его».

Цесаревич и цесаревна выразили глубокое соболезнование семье покойного: «Очень и очень сожалеем о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря, и положительно никто его не заменит».

На погребение писателя была выделена большая сумма, вдове и детям назначили пенсию в две тысячи рублей, у церковных властей получили разрешение похоронить его в Александро-Невской лавре.

Во время открытия в Москве Исторического музея (1883) Российский Император и Мария Фёдоровна посетили зал с мемориальной экспозицией, посвященной великому писателю, как вспоминал историк Иван Забелин, «пошли в комнату Достоевского. Здесь Государь и Великий Князь много говорили о сочинениях Достоевского... Видно, знаком с Достоевским отлично».

По словам Дмитрия Менделеева, Император Александр III «привидел суть русских и мировых судеб более и далее многих своих современников». В этом, надо полагать, была заслуга и нашего величайшего писателя, оказавшего существенное влияние на мировоззрение Царя-Миротворца, на его выбор исторического пути развития России.

Юлия Кудрина

ПРЕИСПОДНЯ ИПАТЬЕВСКОГО ДОМА

Картина А. Левченкова "Преисподняя Ипатьевского дома". 2018. Холст, масло. 230x380 см. Сестрорецк, Санкт-Петербург. Слева направо: лейб-повар Иван Михайлович Харитонов; камердинер Алоизий Егорович Трупп; Великая Княжна Ольга Николаевна; Императрица Александра Федоровна; на коленях у ног Императрицы - Великая Княжна Мария Николаевна; за спиной Императрицы - Великая Княжна Татьяна Николаевна; Государь Император Николай II; Цесаревич Алексей Николаевич; Великая Княжна Анастасия Николаевна; лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин; камер-фрейлина Анна Степановна Демидова.

На картине есть неточность. На единственном стуле в подвальной комнате сидел Цесаревич Алексей. Он не мог спускаться сам и его нес отец - Царь-Мученик Николай Александрович. Он и потренировал стул для сына. Сразу принесли. Когда Цесаревича посадили, палач Юровский моментально стал читать текст. "Что, что?" переспросил Государь. Он не понял бубнения Юровского... Но сразу открыли огонь. Подлецы даже не дали подготовиться к смерти, исповедоваться и причаститься.

Святитель Иоанн Шанхайский писал о злодеянии: "Убийство Императора Николая II и его Семьи является исключительным как по виновности в нём русского и других народов, так и по его последствиям. Не сразу оно совершилось, подготавливалось постепенно. Молчаливо принято было известие о лишении Царя и его Семьи свободы. Посему Государь оказался всецело в руках своих тюремщиков и новой власти, знавшей, что может сделать всё, что хочет. Убийство легло на совесть и душу всего народа. Виноваты все в той или иной степени: кто прямым мятежом, кто его подготовкой, кто изменой и предательством, кто оправдыванием совершившегося или использованием его в выгоду себе. Убийство Царя-Мученика есть прямое следствие их. «Кровь Его на нас и на чадах наших» (Мф. 27, 25). Не только на современном поколении, но и на новом, поскольку оно воспитано в сочувствии к преступлениям и настроениям, приведшим к Царубийству. Лишь полный духовный разрыв с ними, сознание их преступности и греховности и покаяние за себя и своих предков освободят Русь от лежащего на ней греха".

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ МОНАРХИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

К 100-ЛЕТИЮ ВСТРЕЧИ В РЕЙХЕНГАЛЕ

В условиях предполагавшегося тогда скорого падения советской власти в России и активизации в этой связи деятельности республиканцев и социалистов, готовившихся занять место большевиков «для дальнейшего углубления революции», существовала необходимость создания единого монархического фронта в противовес республиканским и социалистическим течениям.

Двадцать девятого мая 1921 года в баварском городе Бад-Рейхенгале начал свою работу «Съезд Хозяйственного Восстановления России».

Официальное название должно было завуалировать перед германскими властями политический характер мероприятия, но для всех его участников монархический характер мероприятия был известен заранее. Съезд объединил все течения монархической мысли, выделил «общие для них признаки: Веру, Царя и Отечество. Внутренние разномыслия остались, но они были подчинены общему заданию -- Народной Русской Монархии; сохраняя каждый свою самостоятельность, продолжая работу по привлечению в ряды монархистов своих возможных сторонников, оставляя до других времен споры между собой».

Декларация Съезда, в частности, гласила: «Мы берем на себя звание контрреволюционеров, звание почетное, но и обязывающее и в первую очередь в смысле искупления грехов, совершённых всеми монархистами».

На съезд собралось 100 участников и делегатов из 30-ти стран мира. Среди них были Митрополит Антоний (Храповицкий), Архиепископ Евлогий (Георгиевский), архимандрит Сергей, пять членов Сената, два командующих армиями, пять членов Государственного Совета, восемь депутатов Государственной Думы, четырнадцать генералов, историк Н. Д. Тальберг, полковник А. С. Гершельман и многие государственные деятели. Председателем Съезда был избран Александр Николаевич Крупенский.

А. Н. Крупенский

Практически все участники съезда поддержали резолюцию: «Едиственный путь к возрождению Великой, Сильной и Свободной России - есть восстановление в ней Монархии, возглавляемой законным Государем из Дома Романовых, согласно Основным Законам Российской Империи». Участники съезда обратились к Императрице Марии Феодоровне с просьбой созвать Семейный Совет и решить, кому из Романовых быть хранителем Престола. Кроме того, на съезде был избран Высший

Монархический Совет (В.М.С.) для координации деятельности российских монархических организаций: «Русские монархисты в Рейхенгалле создали единую организацию с обязательством подчинения избранному Высшему Совету».

В первый состав «Высшего Монархического Совета» были избраны: Николай Евгеньевич Марков II-й, Александр Михайлович Масленников и князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов. Вскоре были кооптированы бывший бессарабский предводитель дворянства А. Н. Крупенский, барон Борис Густавович Кепшен и граф Петр Васильевич Гендриков.

Кроме того, было принято решение о содействии в созыве Церковного Собора из Русских Архиереев, оказавшихся вместе со своей паствой из числа беженцев в эмиграции. В том же году 21 ноября в сербском городе Сремские Карловцы такой Собор состоялся, и Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей был избран Митрополит Антоний (Храповицкий).

Митрополит Антоний (Храповицкий)

Сам Рейхенгальский съезд не претендовал на статус Государственно-Церковного Собора, но идея старорусской государственной соборности, идеология «Земского Собора» на нем присутствовала.

Это следует из того, что большинство участников съезда и потом В.М.С. не признали законными претензии так называемых «легитимистов», поддерживавших претензии на Российский Престол великого князя Кирилла Владимировича, который по ряду пунктов мог рассматриваться как первоочередной претендент на Трон. Но в силу того, что более чем за сутки до отречения Государя Императора Николая II, ещё 1 марта 1917 года, именно великий князь Кирилл с красным бантом на своем мундире привел во взбунтовавшуюся Государственную Думу Гвардейский Флотский Экипаж, которым он командовал и в первейшую обязанность которого входило охранять Императора и Его Семью - он считался неприемлемым. Тогда же великий князь Кирилл признал Временный Комитет Государственной Думы в качестве «единственно законного правительства России», о чём тут же в стенах Таврического Дворца в присутствии Председателя Думы М. В. Родзянко публично заявил в интервью петроградским газетам. Они разнесли эту новость уже в вечерних выпусках, чем повергли в ужас и отчаяние всех верноподданных.

Бороться и проливать свою кровь за предателя Царской Присяги, прямого участника Февральской революции почти никто из монархистов тогда не хотел. Очередность в престолонаследии остальных Членов Династии Романовых носила неявный характер, поэтому многие монархисты полагали, что претендента должен определить Государственно-Церковный Собор, подобный Собору 1613 года, поставивший на Престол родоначальника Династии Романовых Царя Михаила Феодоровича.

Сама логика этих событий в Европе 1921 года - сначала собрание монархистов, утверждающих необходимость восстановления монархии в России, затем инициативы по проведению зарубежного Собора Архиереев Русской Православной Церкви в Европе, как бы предвосхищает ход событий в Приамурском Крае, где Земский Собор заявил о подготовке местного Собора Церковного.

Есть и другие переключки. И от съезда в Германии, и от Земского Собора во Владивостоке были обращения к Государыне Императрице Марии Феодоровне и Великому Князю Николаю Николаевичу Младшему; и в Рейхенгалле, и в Приморье не признавали претензий на Престол великого князя Кирилла Владимировича. В.М.С. сразу же начинает достаточно широкую пропаганду православного монархизма с помощью периодических изданий и выпуска книг, посвященных исторической России. Монархисты выпускают журналы «Луч Света», «Двуглавый Орел», еженедельный бюллетень «Высший Монархический Совет», позже «Ведомости В.М.С.», которые стараются поддерживать связи с русской эмиграцией по всему миру, выясняют о настроениях в России.

Александр Александрович Римский-Корсаков

После того как А. А. Римский-Корсаков, бывший Ярославский губернатор, первый товарищ председателя Съезда, объявил собрание открытым слово было предоставлено Николаю Евгеньевичу Е. Маркову-Второму — председателю временного бюро по созыву Съезда.

Николай Евгеньевич обрисовал общую текущую ситуацию и перешёл к причинам, побудившим инициаторов созвать Съезд Монархистов. Он упомянул, что во время Гражданской войны борьба с красными велась под самыми разными лозунгами и во имя самых разных интересов: «Поэтому народ не пошёл за этими движениями. Однако страна, населённая 160 миллионами, не может

погибнуть, не может погибнуть одна шестая часть вселенной».

Н. Е. Марков говорил о вере в возрождение России, однако предостерегал о нависшей над ней опасностью и призывал помнить примеры гибели других могущественных этносов. «Как бы не опоздала помощь».

В своем выступлении Марков-Второй также упомянул заслуги генерала Безобразова в деле сбора средств для съезда, указал на то, что всё же есть государство (Бавария), нашедшее для себя возможным разрешить созыв Съезда и поблагодарил общество «Ауфбау» за оказанную помощь.

Николай Евгеньевич Марков-Второй

Речь Н. Е. Маркова сводилась к призыву «не вернуться к порядкам», но «вернуть порядок», который может дать только Царь. Прозвучала констатация необходимости длительной работы над собой, необходимостью перерождения монархистов, так как «надо открыто признать, что лишь оскудение духа монархизма и отношение к самому монарху привели Россию к революции. Наш лозунг: Вера, Царь, Народ!».

Речь Маркова закончилась под овацией, в которых собравшиеся выразили благодарность к человеку, давшему им возможность собраться на съезд в Рейхенгалле.

В «Докладе по основам тактики и организации монархического движения» отмечалась «необходимость коренного пересмотра существовавшего до революции законодательства».

По национальному вопросу говорилось: «Будучи сами националистами русскими, мы не можем и не должны не признавать за другими народностями прав на местное национальное самоопределение».

В докладе «Децентрализация власти и отношение к окраинам» было сказано: «Не предвешая вопроса о том, какие из самоопределившихся окраинных государственных новообразований войдут в состав Империи Российской, Съезд полагает, что государственное устройство России должно быть основано, между прочим, на передаче местным автономным и иным областным самоуправлениям всех тех предметов ведения в делах местного законодательства, управления и суда, кои, не имея в отдельности общегосударственного значения, сохраняют во всей полноте общегосударственную связь, образующую из совокупности областей и стран Единую Российскую Империю».

Е. Фокин

Николай Казанцев

МОЯ ПЕРЕПИСКА С АЛЕКСАНДРОМ СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

8

14.11.86

Дорогой Николай Леонидович
Спешу напомнить Вам, что подписку на моё собрание сочинений. Тг 15-18 сейчас, а потом и дальше – продолжем мы сами. Так что если Вы получили из издательства извещение о подписке (это делается у них автоматически) – просто не отвечайте.

Вы напечатали в газете, что пропадают на аргентинской почте чеки – так как нам быть в январе, чтоб иметь уверенность, что Вы получите наш? Посылать ли прежним путём?

Теперь уже столько времени прошло, что ясно: №№ 1861, 1862 я не получил (долгое время думал, что почта дошлёт, она иногда досылала и через 2 месяца.) Если у Вас эти экземпляры сохранились – дошлите, чтобы у нас в ВМБ был комплект. Всеголучшего Вам. Как с работой? Кланяюсь Анне Николаевне.

Солженицын

Буэнос Айрес, 15 декабря 1986

Дорогой Александр Исаевич!
Вас и всю Вашу семью, супруга и я сердечно поздравляем с наступающим праздником Рождества Христова и желаем всего самого чистого и доброго в Новом Году.

Работа почты кажется наладилась, так что можно поступить как и в предыдущие годы. Большое Вам спасибо за поддержку газеты, в особенности – моральную. Спасибо и за «Красное Колесо» – жду его с нетерпением.

Наконец-таки мне довелось прикоснуться к родной земле. Пробыл я три дня в Москве и один в Питере. Сопровождая аргентинского президента, как журналист газеты, в которой я сейчас работаю.

Оторвавшись от официальной делегации я бродил по улицам, разговаривал с людьми. Все они по началу казались мне мрачными, а как разговориться – от них веет небывалым теплом и душевностью. Не наблюдал я ни грубости, ни матерщины, о которой так много говорится и пишется.

Пока был там, носился в каком то угаре, не мог ни есть, ни спать. Вернулся в тягостном настроении: хотя и чувствуешь всё своим, но одновременно ощущаешь, что всё как бы под семью замками. Пока был там, мне хотелось всё мое раздавать. Я это и пытался делать, но почти всегда наталкивался на традиционное русское отношение к деньгам: люди, явно нуждающиеся, отказывались

от помощи и советовали деньги передать кому-то другому, хотя я и предлагал-то страшно деликатно.

Довелось мне у часовни Ксении Блаженной говорить с верующими. Они запуганы, говорят, что за посещение богослужения снимают с работы если речь идёт об интеллигенте, в семинарии пропускают по преимущественно хапуг, атеистов, безнравственных людей. Хотя порою проскальзывают и подлинные будущие пастыри.

Надежд на Горбачёва особенных нет. Говорят, что если он даже действительно захотел бы что-нибудь переменить, партийная мафия не допустит. Подозревают в нём тайного молоканина, из-за его антиалкогольной кампании.

Один верующий мне сказал, что «Архипелаг» можно в Питере достать за рублей триста, но что за владение этой книги дают срок.

Впечатлений масса, все-го не пересказать, но доминирует боль за Россию, за её нищету, за несправедливость её народа.

Храни Вас Бог. Ваш

Н. Казанцев

6 февраля 1987

Дорогой Александр Исаевич!
Большое спасибо! Чек получен благополучно и передан мною Кирееву. Наше намерение – улучшить качество печатания, в частности – качество бумаги.

1861, 1862 – выслали вторично. Было грустновато прочесть Ваши впечатления от преобразований Горбачёва. Но всё-таки может быть и несовершенные сдвиги лучше чем лежащая глыба?

Мне передали слухи, что будто в России собираются печатать «В круге первом» и выпускают на свободу Ходоровича. Кабы и впрямь так – было бы замечательно.

Привет дорогой Наталье Дмитриевне. Храни Вас Бог. Крепко жму руку.

Ваш

Н. Казанцев

13.2.87

Дорогой Николай Леонидович
Уже все праздники прошли, и поздравлять не с чем. Если Вы считаете, что аргентинская почта «наладилась» – то хорошо.

Однако Ваше письмо от 15 декабря получено нами только сегодня. Высылаю чек на Киреева.

С большим волнением прочёл Ваши впечатления от поездки на родину. И тепло сердцу и тяжело...

Преобразования Горбачёва (если их ещё не сломят или не заплетают

многолетними петлями) начались по самому естественному, но и самому медленному для русских варианту – малыми сдвигами по спектру от большевистского края. Если переползание и будет идти – нескоро нам увидать Россию такой, как мы хотим, – а копией Запада она может стать скорей. Заражение по нижнему слою – рок-н-рол, майки с надписями, «штатники» среди подростков – впрочем давно течёт, как названая жижа под Железный занавес.

Всего доброго Вам с семьёй. Жму руку. Ваш
Солженицын

Первые два тома «Марта» скоро Вас достигнут. Так №№ 1861,1862 – не нашлись?

8.1.88

Дорогой Николай Леонидович!
Сегодня, на второй день Рождества, как раз и получил Ваше письмо. Спасибо за добрые пожелания, и мы с Н. Д. шлём Вам и Анне Николаевне наши запоздавшие поздравления с Рождеством и Новым годом.

Напуганные Вашими объявлениями о пропаже чеков, прошу Вас указать мне, как послать чек этого года? Если на счёт Киреева в Бруклине, Ситибанк (это удобно) адрес возьму из газеты 1945 – можно ли туда послать чеком нью-йоркского банка? Как ответите – пошлём.

С доставкой газеты – беда. И в этом году пропали пары: 1929-1930. А вот после 1948 – вообще ничего не приходит, но это, я думаю, где-нибудь в пути, наверстаётся. Те четыре пропущенных номера – если найдутся у Вас лишние – дошлите, чтоб у меня был комплект А нету – ладно.

С Огурцовым мы обменялись по одному письму, пока не представляю, чем он займётся. Но составление программы теперь сильно деформированная задача.

Это имело смысл при неподвижности в стране и на неопределённое будущее. Когда же в стране началось несомненное движение (хотя бы оно заняло и больше 50 лет, вполне допускаю) – составление таких абстрактных программ становится прожектерством. Сам ход событий на рождие будет вести живых людей, и будущее начнёт открываться. Считаю ошибкой редакции помещения совсем дикой программы Бровцына в №1912, это только отталкивает людей от России. Сейчас надо примириться, что самое интересное происходит не в эмиграции, а в стране – и вашей редакции перестроиться на освещение потрясающих материалов, которые стали появляться в советской прессе, даже в какой-нибудь «Социалистической индустрии».

О моём интервью в «Шпигеле». Я давал его исключительно для немцев (потому что в Германии, как нигде, был большой урожай серьёзных рецензий на «Октябрь», в Германии книгу прочли гораздо внимательней, чем вся эмиграция).

Текст в «Шпигеле» значительно отличается от подлинного русского, но восстанавливать с плёнки и печатать тот – сейчас у нас руки не доходят. Я уже выдержал 2-3 скандальных столкновения с некоторыми эмигрантскими органами, желавшими самовольно

печатать перевод моего интервью, еле остановил. Ради Бога – и не прикасайтесь к этому интервью, не цитируйте его и не перелагайте своими словами – именно это я им запретил, угрожая даже уже и судом. Не подведите меня! Вообще: без моего разрешения не печатайте и впредь никакого моего материала!

Интервью для
журнала
«Шпигель»

Александр
Солженицын

1-ое интервью "Шпигелю" было в 1987. 2-ое, уже при смерти в 2008

(Да их и не будет почти: я уже 5 лет, как не выступаю, исключение сделал для интервью о «Колесе», м. б. ещё американцам придётся дать летом.) Занят я только «Колесом» да ещё русским словарём языкового расширения – очень интересный, важный, итог 40 лет моей работы.

Именно и прямо от 1988 – никакой судьбоносности не ждите: процесс будет долгий-долгий-долгий, с петлями возвратов и промежуточным удушением. Если мы 70 лет только падали – то посчитайте, сколько же надо подниматься – ведь подниматься трудней, чем падать. Но всё же в душе – надежда дожить.

Крепко жму руку. Ваш
Солженицын

Буэнос Айрес, 27 января 1988

Дорогой Александр Исаевич!
Спасибо за письмо от 8.1. а также за намерение послать чек для «Нашей Страны». Лучшее всего это сделать на счёт Киреева в Бруклине чеком ньюйоркского банка: как о том указано в №1945.

Дело в том, что видимо Киреева взяли на мушку. Я, например, совершенно исправно получаю ежемесячные чеки от Радио Марти.

С рассылкой газеты действительно беда. Но виновата в этом исключительно аргентинская почта. Мы уже вам выслали вторично пары 1910-1911 и 1929-1930. А также номера после 1948-го.

Следуя Вашему совету, мы охотно перестроились бы на освещение материалов советской прессы. Загвоздка только в том, что в Буэнос Айресе трудно её достать. Попытаемся получать её через нашего представителя в Зап. Германии.

Никаких Ваших материалов без Вашего на то разрешения печатать не будем. Из «Шпигеля» в том числе.

Очень благодарен Вам за присылку третьего узла «Марта Семнадцатого», полученного мною как раз вчера. Предвкушаю наслаждение его читать, хоть на душе несомненно и тяжело будет.

Привет Наталье Дмитриевне. Крепко жму руку. Искренне Ваш
Н. Казанцев

В мою первую поездку в Россию, о которой я рассказываю в письме Солженицыну, я в Кремле сфотографировал аргентинского президента Альфонсина с последним советским диктатором Горбачёвым. Меня командировала газета "Амбито Финансиеро". 1986 год.

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 И. Л. Солоневичем. Издательница: Lidia de Candia. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для чеков: Nicolas Kasanzew, 9225 NE 12 Ave Miami Shores, FL, 33138, USA Адрес для писем: Nicolás Kasanzew, Av. San Martín 3956, San Lorenzo 2200, Pcia. Santa Fe, Argentina. Годовая подписка: В Аргентине – 1500 песо

В Европе – 60 евро. В Австралии – 85 американских долларов. В Канаде – 80 американских долларов. В США и остальных странах – 75 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Банковские передачи: Nicolas Kasanzew, 483081206479 Bank of America, 1108 Kane Concourse, Bay Harbor Islands, FL 33154-2068, USA Routing: 021000322 Swift: BOFAUS3N. Мнения авторов не всегда выражают таковые газеты. Сайт: www.nashastrana.net

NUUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представитель во Франции – E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com При перепечатке ссылка обязательна.